

Я помню его
таким...

ПЛЕННИК МОРЯ

ВСТРЕЧИ С АЙВАЗОВСКИМ

НИКОЛАЙ КУЗЬМИН

Я помню его таким...

Николай Кузьмин

**Пленник моря.
Встречи с Айвазовским**

«Алисторус»

УДК 75.071.1 Айвазовский И.
ББК 85.143(2)1-8

Кузьмин Н. Н.

Пленник моря. Встречи с Айвазовским / Н. Н. Кузьмин —
«Алисторус», — (Я помню его таким...)

ISBN 978-5-906914-41-5

«Я никогда не утомлюсь, пока не добьюсь своей цели написать картину, сюжет которой возник и носится передо мною в воображении. Бог благословит меня быть бодрым и преданным своему делу... Если позволят силы, здоровье, я буду бесконечно трудиться и искать новых и новых вдохновенных сюжетов, чтобы достичь того, чего желаю создать, 82 года заставляют меня спешить». И. Айвазовский Желание увидеть картины этого художника и по сей день заставляет людей часами простаивать в очереди на выставки его работ. Морские пейзажи Айвазовского известны всему миру, но как они создавались? Что творилось в мастерской художника? Из чего складывалась повседневная жизнь легендарного мариниста? Обо всем этом вам расскажет книга воспоминаний друга и первого биографа И. Айвазовского.

УДК 75.071.1 Айвазовский И.
ББК 85.143(2)1-8

ISBN 978-5-906914-41-5

© Кузьмин Н. Н.
© Алисторус

Содержание

Глава I	6
Глава II	14
Глава III	19
Глава IV	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Николай Кузьмин

«Пленник моря. Встречи с Айвазовским»

«Природа вечно стремится к обновлению, в то же время неизменна, как вечность. В этом отношении искусство подобно природе. Пусть каждый век приносит новые нравы, новые одежды, новые мысли, но гений неизменен, как сама красота».

«Пусть молодые руки, полные жизни и сил, примут с почтением священный святой светоч из дрожащих рук старцев; пусть они защищают его от порывов ветра, пусть чтут эту божественную искру, которая пролетит сквозь будущие века, как она пролетела век минувший. К работе! К работе! Жизнь коротка!»

Альфред де Мюссе. Драма «Андреа дель Сарто».

«Я никогда не утомлюсь, пока не добьюсь своей цели написать картину, сюжет которой возник и носится передо мною в воображении. Бог благословит меня быть бодрым и преданным своему делу... Если позволят силы, здоровье, я буду бесконечно трудиться и искать новых и новых вдохновенных сюжетов, чтобы достичь того, чего желаю создать, 82 года заставляют меня спешить».

И. Айвазовский (из частного письма 1899 года)

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Глава I

Рассказы и воспоминания Айвазовского. Восточное происхождение художника. Любовь к родине и страсть к путешествиям. А. С. Суворин¹. Интересное семейное предание о спасении русскими на войне младенца – отца Айвазовского. Фамилия Айвазовских. Детство художника. Проблески гения. Приезд А. И. Казначеева². Н. Ф. Нарышкина и кн. П. М. Волконский³. Белые ночи. В доме графа А. А. Суворова⁴ -Рымникского князя Итальянского. Посещения В. А. Жуковского и «дедушки» И. А. Крылова. Воспоминания о творце «Помпеи» К. П. Брюллове⁵. В кружке «братии». М. И. Глинка⁶, Айвазовский и «Руслан и Людмила». Н. В. Кукольник.⁷

Широкая популярность Ивана Константиновича Айвазовского и недавняя кончина великого по своему славному историческому прошлому и знаменитого художника, приковывающая к себе в настоящее время внимание и сочувствие общества, – таковы обстоятельства, побудившие нас предложить читателям некоторые воспоминания из жизни покойного художника, наиболее любимые им и ценные по своему важному значению. Нашу задачу составляет лишь воспроизведение переданных им частью в переписке с нами, частью в рассказах и словесных воспоминаниях при встречах с нами в Крыму и Петербурге и записанных нами рассказов покойного художника о своих славных друзьях и современниках, с которыми ему приходилось сталкиваться, и некоторых важных по своему историческому интересу событиях жизни, о которых на склоне лет маститый старец с любовью и живостью часто имел обыкновение вспоминать в своих увлекательных беседах и письмах.

Имея в виду со временем воссоздать для русской публики образ незабвенного по значению его для России художника, мы не будем вдаваться теперь во всестороннюю подробную оценку почтенной его деятельности и заслуг: подведение конечных итогов – дело истории и будущих биографов проф. И. К. Айвазовского. (Большинство биографов Айвазовского ограничивались обыкновенно почти одними выдержками и извлечениями из академического формулярного списка его из издания Ф. Булгакова «Наши художники» и каталогов главнейших его картин.)

Личное знакомство с нашим знаменитым художником дало нам возможность составить предлагаемые воспоминания по собственным устным рассказам самого И. К. Айвазовского и по его письмам. При составлении их, для проверки некоторых важных исторических фактов и событий его жизни, не были обойдены нами, само собой разумеется, и печатные материалы, рассеянные в наших статьях за прежние годы.

¹ Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) – русский журналист, издатель, писатель, театральный критик и драматург.

² Александр Иванович Казначеев (1788–1880) – сенатор, действительный тайный советник, в 1829–37 гг. глава Таврической губернии.

³ Светлейший князь Петр Михайлович Волконский (1776–1852) – русский военный и придворный деятель из рода Волконских, генерал-фельдмаршал (1843), министр императорского двора и уделов (1826–1852), владелец усадьбы Суханово.

⁴ Светлейший князь Александр Аркадьевич Суворов (1804–1882) – русский государственный, общественный и военный деятель, генерал от инфантерии.

⁵ Карл Павлович Брюллов (1799–1852) – русский художник, живописец, монументалист, акварелист, представитель академизма.

⁶ Михаил Иванович Глинка (1804–1857) – русский композитор.

⁷ Нестор Васильевич Кукольник (1809–1868) – русский прозаик, поэт, переводчик и драматург первой половины XIX века, автор текстов популярных романсов.

«Портрет И. К. Айвазовского». Художник Алексей Васильевич Тыранов. 1841 г.

Иван Константинович Айвазовский (1817–1900) – русский художник-маринист, баталист, коллекционер, меценат. Живописец Главного Морского штаба, академик и почетный член Императорской Академии художеств, почетный член Академий художеств в Амстердаме, Риме, Париже, Флоренции и Штутгарте

Жизнь Айвазовского представляется нам настоящей волшебной сказкой, богатой событиями, почти неизвестными многим, другими забытыми, и прекрасной, как чудный, плени-

тельный сказочный сон. Его гений – это та могущественная, волшебная фея, которая чудесно сплетала узоры его жизни, располагая их как можно лучше, разумнее и счастливее и вдохновляя его, вливая в него вместе с любимой им южной природой морей и силу, и бодрость, и вечно молодую, кипящую энергию. Как известно, мать нашего поэта В. А. Жуковского была пленная турчанка, принявшая потом христианство, а другой наш знаменитый поэт – А. С. Пушкин, о предках которого по случаю 100-летнего юбилея его еще так недавно вспоминали в обширных статьях, вычисляя всю его родословную, был родным правнуком африканца – арапа Петра Великого Ибрагима, привезенного в Константинополь, а оттуда в Париж. Сам поэт даже гордился своим происхождением, нисколько не скрывая его.

И в жилах Айвазовского текла турецкая кровь, хотя его принято было у нас почему-то считать до сих пор кровным армянином, вероятно, вследствие постоянных симпатий его к несчастным армянам, усилившихся после анатолийской и константинопольской резни, насилий и грабежей, приводивших всех в ужас, достигших своего апогея, заставлявших его негласно широкою рукой благотворить угнетаемым и громко возмущаться бездействием Европы, не желавшей вмешиваться в эту резню. Со свойственным ему всегдашним увлечением и пылом Иван Константинович находил, что «Новое Время» тоже довольно холодно и индифферентно относится ко всем этим ужасам и, по его словам, в ту пору это служило предметом разногласий и оживленных споров между ним и Алексеем Сергеевичем Сувориным, с которым он часто встречался в Феодосии и Петербурге.

В Суворине он признавал необыкновенную даровитость и много раз говорил о том влиянии, какое приобрела его газета в административных сферах благодаря его таланту и вынужденному порой оппортунизму. Здесь мы встречаемся с редким примером гениального человека, отмеченным еще Ф. М. Достоевским, умением совмещать в своей душе любовь не только к родине, но и к чужим, близким его сердцу, предметам, которые становятся предметом его дум и забот.

Замечательно, что Иван Константинович не только обладал способностью горячо любить людей, заменивших ему родных и способствовавших выбиться на дорогу но вообще привязывался к людям и месту; хотя провел всю жизнь в странствиях, но и к своей второй родине, и к родному городу он чувствовал страсть не меньшую, чем к искусству. Среди русских по происхождению даже художников трудно было бы отыскать подходящий пример любви и самоотверженной готовности прийти на помощь нуждающимся и работать на благо России и своего родного города, какой проявлял в течение бесконечно долгого ряда лет профессор И. К. Айвазовский. Но кругозор его наблюдений не ограничивался одним городом или местностью.

В данном случае нашего художника, объездившего весь свет и постоянно путешествовавшего, вполне правильно можно сравнить с перелетной птицей, ищущей себе приволья то в одной, то в другой стороне. Всю жизнь провести в путешествиях, не покидая до смерти маленькой Феодосии, – не правда ли, редкое явление! Сень густо разросшихся лавров и кипарисов в родной стране на берегу Черного моря, приютившая на вечные времена художника, при жизни его, как мы знаем, часто служила лишь местом кратковременного отдыха. Но он не находил здесь для себя праздного покоя и, как птица могучим взмахом своих крыльев, как орел, гордый и недосыгаемый в своем полете, подымался с насиженного места и парил в неведомом чуждом пространстве.

О своем происхождении сам И. К. Айвазовский вспоминал однажды, в кругу своей семьи, следующее интересное и вполне, стало быть, достоверное предание. Приведенный здесь рассказ первоначально записан с его слов и хранится в семейных архивах художника.

«Я родился в городе Феодосии в 1817 году, но настоящая родина моих близких предков, моего отца была далеко не здесь, не в России. Кто бы мог подумать, что война, этот бич всеистребляющий, послужила к тому, что жизнь моя сохранилась и что я увидел свет и родился

именно на берегу любимого мною Черного моря. А между тем это было так. В 1770 году русская армия, предводительствуемая Румянцевым, осадила Бендеры. Крепость была взята, и русские солдаты, раздраженные упорным сопротивлением и гибелью товарищей, рассеялись по городу и, внимая только чувству мщения, не щадили ни пола, ни возраста.

В числе жертв их находился и секретарь бендерского пашы. Пораженный смертельно одним русским гренадером, он истекал кровью, сжимая в руках младенца, которому готовилась такая же участь. Уже русский штык был занесен над малолетним турком, когда один армянин удержал карающую руку возгласом: «Остановись! Это сын мой! Он христианин!» Благородная ложь послужила во спасенье, и ребенок был пощажён. Ребенок этот был отец мой. Добрый армянин не покончил этим своего благодеяния, он сделался вторым отцом мусульманского сироты, окрестив его под именем Константина, и дал ему фамилию Гайвазовский, от слова „гайзов“, что на турецком языке означает „секретарь“.

Прожив долгое время со своим благодетелем в Галиции, Константин Айвазовский поселился, наконец, в Феодосии, в которой он женился на молодой красавице-южанке, тоже армянке, и занялся первое время удачно торговыми операциями».

Айвазовские еще в прошлом столетии переселились из Турции в Галицию, где поныне близ гор. Львова сохранились их родичи, землевладельцы Айвазовские, переименовавшиеся, так же как и они, свою фамилию.

Детство художника протекало в маленькой, убогой по своей обстановке и бедности квартирке. Отец Айвазовского был разорившимся армянским негоциантом, поддерживавшим семейство хождением по тяжёлым делам и незначительной мелкой торговлей, так как с переселением из Галиции и Молдавии в Крым он лишился здесь своего состояния вследствие чумы, свирепствовавшей в городе Феодосии в 1812 году. Но в то время, как с раннего детства И. К. Айвазовский привыкал к широкому, безбрежному раздолью южного моря, а слух его – к немолчному шуму и плеску пенящихся волн, «за много лет назад, из тихой сени рая сошла в наш мир» эта волшебная фея, которая стала напевать ему свои чудные песни. То был гений Ивана Константиновича, проявившийся с малых лет, по словам самого художника, ярко еще в пору раннего детства, когда он впервые почувствовал в себе искру художнического творчества. И вот явился он, этот редкий у нас на земле гость.

Он нес с собой неведомые чувства,
Гармонию небес и преданность мечте,
И был закон его – искусство для искусства,
И был завет его – служенье красоте.

Ребенком 10–12 лет наш будущий Ломоносов XIX века, по блеску достигнутых им трудом и талантом успехов, Айвазовский самоучкой играл, и довольно недурно, по отзыву А. И. Казначеева, на скрипке и усердно занимался рисованием. Неуверенной детской рукой начал он карандашом первые работы и нарисовал в 1829 году, 12-летним ребенком, ряд морских картинок, портретов военных героев Греции и сцен из восстания Греции, а также срисовывал виды турецких крепостей, прославленных подвигами русского оружия. Не довольствуясь этими рисунками, развешанными в квартире отца (отец его имел в ту пору еще обветшалый, полуразвалившийся домик на краю города Феодосии; я осматривал вместе с Иваном Константиновичем этот скромный дом вблизи старой Генуэзской слободки), он рисует на наружных стенах отцовского дома, и эти рисунки, изображающие военные типы, заставляют останавливаться толпами прохожих, простоудушно дивившихся таланту мальчика-художника.

И местный современник А. С. Пушкина, в ту пору градоправитель Феодосии А. И. Казначеев, привлеченный игрою мальчика-художника на скрипке и его рисунками, приезжает сам

посмотреть на него, как на чудо, призывает его к себе и вместе с учителем рисования, архитектором Кохом, принимает живое участие в судьбе будущей знаменитости.

Иван Константинович любил до конца жизни в длинных рассказах вспоминать А. И. Казначеева, говоря, что он «многим ему обязан и сохраняет о нем самое сердечное воспоминание».

Через 12 лет, по отъезде своем из родины, находясь за границей, в Италии, и движимый благородным порывом признательного сердца, он, как сам нам рассказывал, пишет на память для Казначеева картину, изображающую его первую встречу с А. И. на берегу моря, когда он получил от него привезенный с собою «лучший в жизни и памятный подарок – ящик водяных красок и целую стопу рисовальной бумаги».

Находясь в Петербурге, уже в Академии художеств, в которую вследствие просьбы знакомых А. И. Казначеева – Н. Ф. Нарышкиной и кн. П. М. Волконского, показавших его рисунки императору Николаю Павловичу (на них нарисованы были пером группа евреев, молящихся в синагоге, и морские виды, как говорил художник), – он был вытребован и зачислен в 1833 году, он ведет переписку со своим покровителем и заводит здесь новые знакомства, имевшие впоследствии на него большое влияние.

И. К. Айвазовский, с удовольствием останавливавшийся всегда на рассказах об этой эпохе, говорил нам, что особенно поразительное впечатление производили на него, после роскошного юга, в убогой нашей северной природе с ее бледным небосклоном – белые ночи.

В эти задумчивые, светлые, прозрачные летние ночи, воспетые Пушкиным, по словам Ивана Константиновича, ему нередко приходилось возвращаться из дома светлейшего гр. Александра Аркадьевича Суворова-Рымнического князя Итальянского, у которого он проводил все воскресные и праздничные дни и который всегда относился к нему с самым радушным, теплым участием. С семейством сестры Суворова, Варвары Аркадьевны Башмаковой (рожденной княжны Итальянской, графини Суворовой-Рымнической), хорошей знакомой семьи Таврического губернатора А. И. Казначеева, Айвазовский на лошадях прибыл, как рассказывал нам, из Симферополя в Петербург.

О назначении его стипендиатом в академию он был уведомлен частным образом письмом гр. Суворова в конце августа 1833 г. Знаменитый поэт наш Василий Андреевич Жуковский в 1835 г. посетил скромную квартирку нашего художника в академии и одним из первых по приезде его в Петербург горячо приветствовал его талант и утешал его, в то время как он с трепетом и волнением ждал решения своей участи вследствие известной истории наветов по поводу непослушания его царской воле и приказаниям профессора академии Таннера, завидовавшего успехам Айвазовского.

С жаром написанная картина его «Этюд воздуха над морем» появилась вопреки заданному летом 1835 г. учителем его работам из северной природы, которые он не пожелал выполнить, сказавшись больным, чем Таннер был несказанно раздосадован. (По повелению императора Николая I картина тогда скоро была снята с выставки. Распоряжение об этом передал приехавший от имени государя флигель-адъютант.)

А. Н. Оленин, желая содействовать успехам юного мариниста, сам подал ему, по словам Ивана Константиновича, мысль написать эту картину к осенней выставке. Картина вызвала вскоре в академических залах сенсацию, привлекала в ту пору уже толпы публики, и Айвазовский получил за нее впоследствии первую серебряную медаль, присужденную приговором общей конференции Академии художеств.

Добрый от природы и сострадательный В. А. Жуковский, долго беседуя с Айвазовским, убеждал его не унывать, не волноваться, не падать духом и по-прежнему ревностно заниматься живописью. Вскоре после «певца Светланы» и наш «дедушка-баснописец» Иван Андреевич Крылов приехал в академию и также пожелал видеть, как впоследствии А. С. Пушкин, юного художника-поэта.

«Этюд воздуха над морем». 1835 г. Одна из первых картин И. К. Айвазовского

Это было в том же 1835 году. Наш незабвенный баснописец, пленившийся появившейся на выставке творческой картиной ученика академии И. К. Айвазовского, высказал ему по этому поводу свой восторг и удивление перед яркими проблесками сказавшегося в ней таланта и принес первые слова утешения и одобрения, скоро донесшиеся до него и с высоты престола. При появлении «дедушки Крылова» ученики академии, товарищи Ивана Константиновича, вбежали шумной гурьбой к нему в комнату и передали желание Крылова увидеть его. Айвазовский, опечаленный, грустный, вышел, и маститый «дедушка», приподнявшись со своего места навстречу, ласково подозвав его к себе, завел с ним беседу.

– Поди, поди ко мне, милый, не бойся! Я видел картину твою – прелесть как она хороша. Морские волны запали мне в душу и принесли к тебе, славный мой, – произнес Крылов добродушным всегдашним своим голосом. Поцеловав молодого человека, своим замечательным, счастливым сходством так близко напоминавшим ему, как и всем, начиная с высокого покровителя его императора Николая I, великого Пушкина, – продолжал, обняв, утешать опечаленного художника:

– Что, братец, француз обижает? Э-эх, какой же он... Ну, Бог с ним! Не горюй!..

По словам художника, И. А. Крылов более часа провел в беседе с ним и, уезжая, уговаривал его не переставать с такой же любовью предаваться художественным занятиям и творчеству и так же любить природу.

Участие Жуковского и Крылова, встречавших не раз после того Айвазовского у Оленина и Брюллова, несколько облегчило тяжкие волнения и гнет, лежавшие на сердце его, а новый 1836 год рассеял его опасения на дальнейший гнев царя, успокоившийся благодаря ходатайству о нем благородного проф. А. И. Зауервейда.⁸

⁸ Зауервейд Александр Иванович (1782–1844) – немецкий и русский художник, профессор батальной живописи ИАХ.

Передавая нам об этом, маститый художник с большим чувством восторга говорил, что он «никогда не забудет этого 1836 года». Знаменитый творец «Последнего дня Помпеи» Карл Павлович Брюллов, тогда один из первых профессоров академии, питавших к нему живейшее сочувствие, как и Зауервейд, приблизил его к себе и, чуждый зависти и напыщенности, ввел его в этом году в кружок «братии», славными корифеями, завсегдатаями которой были, по словам Ивана Константиновича, наш композитор М. И. Глинка, знаменитый исторический романист Н. В. Кукольник и его брат Платон, поэт В. А. Жуковский, «неистовый балагур» Я. Ф. Яненко⁹ и другие.

Кукольник издавал в то время свою «Художественную газету» и скоро напечатал в ней статью, полную восторженных похвал И. К. Айвазовскому, которую закончил знаменательными словами: «Ни слово, ни музыка – одна кисть Айвазовского способна изобразить верно страсти, так сказать, морские. Произведения его поражают, бросаются в глаза своими эффектами. Его земля, небо, фигуры доказывают, чем он быть может и должен. Скоро не одни глаза разбегутся, но призадумается и душа внутри зрителя. Дай нам, Господи, многие лета, да узрим исполнение наших надежд, которыми, не обинуясь, делимся с читателями!»

Предсказание и пророчество Кукольника не замедлило сбыться. За свои картины Айвазовский вскоре получил первую золотую медаль. Картины его были куплены для академии императором Николаем I за 3000 руб. асс., и отъезд в чужие края, по желанию царя, ускорен на 2 года.

Во время собраний у Брюллова, в веселом кружке талантливой «братии» незаметно летели часы для радушно здесь принятого художника. «Братия» посвящала новичка во все тайны любимого ими искусства. Сам хозяин Брюллов, в пестром художественном своем широком зеленом халате, вел остроумные и интересные беседы о живописи и ее истории. Глинка очаровывал присутствующих здесь игрой на фортепиано и пением (у него был, по словам И. К. Айвазовского, чудный голос). Платон Кукольник и Айвазовский играли на скрипке, «Летописец Нестор» проповедовал об искусстве, импровизировал свои экспромты-стихи, Чернышев (Федор Сергеевич) читал свою нашумевшую тогда в обществе «Солдатскую сказку», а Жуковский – свои «пленительные» стихи. И. К. играл на скрипке особенным манером, на татарский образец, поставив ее стоймя против себя и извлекая из нее заунывные и порою веселые плясовые восточные песни.

Айвазовский посещал также и М. И. Глинку, и Кукольника, у которых иногда собирались друзья.

Вот что пишет вдохновленный ими М. И. Глинка в своих «Записках»: «Айвазовский, посещавший весьма часто Кукольника, сообщил мне три татарских мотива; впоследствии два из них я употребил для лезгинки, а третий для *andante* сцены „Ратмира“ в 3-м акте оперы „Руслан и Людмила“».

Таким образом, восточные песни, слышанные в детстве И. К. и сыгранные им по просьбе М. И. Глинки на скрипке в «кружке» приятелей, послужили поводом для создания одной из чудных сцен и танцев бессмертному творцу «Руслана», на которого имел вдохновляющее влияние И. К. Айвазовский, подтвердивший этим примером древнее мифологическое сказание, что музы – родные сестры, а представители их и жрецы искусств составляют как бы одно единострастно-идейное братство, обмениваясь своими родственными им планами и вдохновением... И. К. Айвазовский рассказывал также, что, посещая Брюллова на другой день после веселых приятельских бесед, он заставал часто его совсем больным, с обвязанной платком головой и всегда жаловавшимся на свое здоровье, так как не мог никогда оставаться таким воздержан-

⁹ Яков Феодосиевич Яненко (1800–1852) – портретный живописец, академик. Сын художника Феодосия Ивановича Яненко.

ным от дружеских угощений, как Иван Константинович, которому все высказывали не раз свое удивление и одобрение по этому поводу.

Глава II

В «золотой» пушкинский век. Сближение с писателями и художниками. Счастливое для И. К. событие в Зимнем дворце. Плавание по Финскому заливу. Встреча Айвазовского с Пушкиным. Пушкин на выставке. Письмо И. К. Айвазовского. Семья Раевских. Пушкин и Айвазовский. Картины «Пушкин в Гурзуфе» и «Прощание с морем в Одессе». Подарок Марии Раевской Пушкину и настоящее происхождение «Талисмана». Надпись Айвазовского под присланным автору снимком с гурзуфской картины.

Один из славных представителей XIX века, профессор морской живописи И. К. Айвазовский, с самого приезда своего во дни молодости в Петербург попал, как он нам описывал, в кружок выдающихся литераторов и людей своего времени. До конца жизни в душе Айвазовского сохранялись живые воспоминания об этих лицах, ожививших молодую жизнь поэтически настроенного в то время художника и способствовавших дальнейшему расцвету его дарования.

Несомненно, что в ту пору они внесли своим влиянием и разговорами и известный элемент стремления его к творчеству и развили в нем любовь к исторической живописи позднейшего периода. Вся недавняя история России, с ее славным прошлым, и наш «золотой» пушкинский век, можно сказать, прошли на глазах у него, и вот почему интересны его воспоминания и рассказы для нас. Одним из сердечных и неизменных друзей И. К. Айвазовского, имевшим на него такое же несомненное влияние и сблизившим его с кружком литераторов, композиторов и художников, был и благороднейший профессор К. П. Брюллов, о котором еще так недавно вспоминал с горячей любовью в дни Брюлловского юбилея сам Иван Константинович.

В том же счастливом для него 1836 году снятая с выставки по наветам профессора Таннера картина Айвазовского была доставлена, по желанию императора, в Зимний дворец. Государь остался в восторге от нее и благодарил за справедливость храброго заступника молодого художника профессора Зауервейда, довольного исходом этой истории, а великая княжна Мария Николаевна, повинуясь голосу и влечению своего юного доброго сердца, поцеловала в светлый лоб своего почтенного учителя.

Подробности эти рассказывал нам И. К. Айвазовский, которого призвал и пожелал видеть сам справедливый рыцарь – император, повелевший сейчас же выдать в награду художнику 1000 рублей ассигнациями, с назначением его сопровождать великого князя Константина Николаевича, который летом тогда должен был совершить первое практическое плавание по Финскому заливу.

Плавание по Финскому заливу принесло таланту Айвазовского несомненную пользу, ознакомив его со всеми эффектами света и колоритом наших северных морей. К осенней выставке того же года было написано им 7 морских видов из этого плавания, вскоре приобретенных императором.

Сентябрьские дни 1836 года ознаменовались для Айвазовского еще встречей с Пушкиным. В конце сентября последовало открытие академической выставки, привлечшей в залы Академии художеств толпы публики.

Подобных выставок теперь не бывает. Понятны поэтому восторги толпы.

Достаточно сказать, что, кроме семи морских видов Айвазовского, по желанию императора, как передавала тихо несущаяся из уст в уста стоустая молва, повешанных рядом с бесцветными маринами Таннера,¹⁰ о которых отозвалось невыгодно большинство тогдашних критиков, появились обратившие на себя всеобщее внимание композиции Ставассера, Рама-

¹⁰ Филипп Таннер (1795–1878 гг.) – французский живописец. Непревзойденный мастер морских видов. Учился живописи у О. Берне.

занова, «Статуя играющего в бабки» Пименова, «Статуя играющего в свайку» Логановского, «Взятие Божией Матери на небо» Егорова; присланное из Италии полотно «Медный змий» Бруни; «Явление Христа Марии Магдалине» Иванова; портреты работы Кипренского, Плюшара, пейзажи Воробьева, Штернберга, Зауервейда и др.

А. С. Пушкин, по словам И. К. Айвазовского, восхищался при посещении этой выставки пейзажами Лебедева и его маринами, а также двумя названными нами статуями, которые произвели столь сильное впечатление на пылкое воображение нашего великого поэта, что он воспел их в наскоро набросанных на обрывке бумаги тут же, в академических залах, и скоро появившихся в «Художественной газете» Кукольника, рядом с восторженной статьей об Айвазовском, следующих антологических стихотворениях:

Юноша, полный красоты, напряженья, усилия чуждый,
Строен, легок и могуч, – тешится быстрой игрой!
Вот и товарищ тебе, дискобол! Он достоин, клянусь,
Дружно обнявшись с тобой, после игры отдыхать!

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро оперся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился... прочь! раздайся, народ любопытный,
Врозь расступись; не мешай русской удалой игре.

Как один из «последних могикан» – из славной и незабвенной плеяды созвездий, украсивших наш небосклон еще во времена великого Пушкина, – его современник и человек по своим интересам и по стечению обстоятельств близко стоявший к его друзьям и знакомым, Иван Константинович сохранял немало воспоминаний в своей памяти о нашем знаменитом поэте, как равно и его жизни на юге. Вот как описывал он в одном из своих писем ко мне из своего загородного имения Шах-Мамай в Крыму, где знаменитый художник проводил обыкновенно каждое лето, подробности встречи своей и знакомства с А. С. Пушкиным.

«В настоящее время, – писал И. К. Айвазовский, – так много говорят о Пушкине и так немного остается в живых тех, которые знали лично великого поэта, что мне все хотелось написать вам несколько слов из своих личных воспоминаний о встрече с А. С. Пушкиным. В 1836 году, за три месяца до своей смерти, именно в сентябре, Пушкин приехал в Академию художеств с женой Натальей Николаевной, на нашу сентябрьскую выставку картин.

Узнав, что Пушкин на выставке и прошел в Античную галерею, мы, ученики, побежали туда и толпой окружили любимого поэта. Он под руку с женой стоял перед картиной художника Лебедева, даровитого пейзажиста, и долго рассматривал и восхищался ею. Наш инспектор академии Крутов, который его сопровождал, искал всюду Лебедева, чтобы представить Пушкину, но Лебедева не оказалось нигде. Тогда, увидев меня, он взял меня за руку и представил Пушкину, как получающего тогда золотую медаль (я оканчивал в тот год академию). Пушкин очень меня ласково встретил и спросил меня, где мои картины. Я указал их. Как теперь помнится, то были „Облака с Ораниенбаумского берега моря“ и другая – „Группа чухонцев на берегу Финского залива“. Узнав, что я – крымский уроженец, Пушкин спросил: „А из какого же вы города?“ Затем он заинтересовался, давно ли я здесь и не болею ли на севере...

«А. С. Пушкин в Крыму у Гурзуфских скал». Художник И. К. Айвазовский. 1880 г.

«Человек, не одаренный памятью, сохраняющей впечатления живой природы, может быть отличным копировальщиком, живым фотографическим аппаратом, но истинным художником – никогда. Движения живых стихий – неуловимы для кисти: писать молнию, порыв ветра, всплеск волны – немыслимо с натуры. Сюжет картины слагается у меня в памяти, как сюжет стихотворения у поэта...»
(И. К. Айвазовский)

Тогда, во время нашего разговора, я его хорошо рассмотрел, и даже помню, в чем была его красавица жена. На ней было изящное белое платье, бархатный черный корсаж с перепле-

тенными черными тесемками, а на голове большая палевая шляпа. На руках у нее были длинные белые перчатки. Мы, все ученики, проводили дорогих гостей до подъезда. Теперь я могу пересчитать по пальцам тех лиц, которые помнят поэта: их осталось очень немного, а я вдобавок был им любезно принят и приглашен к нему ласковой и любезной красавицей Натальей Николаевной, которая нашла почему-то во мне тогда сходство с портретами ее славного мужа в молодости».

«Если вы найдете, что в настоящее время эта маленькая статья может быть интересной хоть сколько-нибудь, то благоволите отдать напечатать. Сам я, признаюсь, не решаюсь этого сделать», – писал И. К. и прибавлял:

«С тех пор и без того любимый мною поэт сделался предметом моих дум, вдохновения и длинных бесед и расспросов о нем. И теперь, на склоне лет, я работаю над новым громадным полотном, сюжетом для которого служит все тот же великий вдохновитель художников. Знаю и ценю ваше всегдашнее лестное внимание к моим произведениям и ко мне вообще, весьма утешительно влияющее на душу старого художника, и я вам очень благодарен. Желаемые фотографии с пушкинских картин я вам вышлю на днях, когда будет готова с последней картины, которую теперь я уже оканчиваю.

Эта картина изображает восход солнца с вершины Ай-Петри, откуда Пушкин верхом на коне, с проводником татарин, любуется восходом только что показавшегося на горизонте солнца. Пушкин снял шляпу, приветствуя величественный солнечный восход. Картину эту рассказывал мне при встречах Н. Н. Раевский, и сюжет ее давно у меня записан где-то, но я его и так живо помню благодаря живому рассказу Раевского, очень любившего Пушкина. Картину эту думал послать в Петербург или в Москву, но теперь поздно: я не успел еще окончить ее. Какая жалость! Картина почти 3 аршина¹¹ длиною. Из Москвы меня просили прислать картину из пушкинских (в Исторический музей в Москве). Я послал им две картины: „Пушкин у Гурзуфских скал“ (иначе, чем прежде, написанную, которой вы не видели у меня в Феодосии), и другую: „Пушкин с семьей Раевских по дороге в Гурзуф из Партенита на берегу у Кучук-Ламбата“.

Помните из „Евгения Онегина“ „Море пред грозой“:

Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередой
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами! —

и т. д. Этот рассказ я слышал тоже и от Раевского».

На этих словах заканчивает одно из своих писем ко мне в мае 1899 г. И. К. Айвазовский. Прибавим, что он встречал еще в том же году в Петербурге Пушкина вместе с В. А. Жуковским и разговаривал с ними на улице и что последняя картина его из жизни Пушкина выставлена была все-таки в прошлом году в Петербурге, в музее рисовальной школы барона Штиглица на картине «Семья Раевских и Пушкин». М. Н. Раевская («княгиня Волконская») изображена убегающей от настигающих ее волн, и Пушкин, в восторге, застывшей позе, любующийся ею. Картина же «Пушкин у Гурзуфских скал» представляла собою юбилейную новинку (1899 года).

Пушкин изображен в лунную ночь на морском берегу Гурзуфа, на одной из высоких береговых прибрежных скал, в обычной задумчивой, мечтательной позе. Вдали виднеется Аю-

¹¹ Аршин – старорусская единица измерения длины. 1 аршин = 1/3 сажени = 4 четверти = 16 вершков = 28 дюймов = 0,7112 м.

Даг и горы. И. К. написал в разное время 8 картин из жизни Пушкина. Происхождение одной из лучших, по моему мнению, из самостоятельных картин его «Прощание Пушкина с морем» относится к началу 80-х годов, когда И. К. услышал где-то в обществе прекрасную декламацию стихотворения «К морю». Поэт представлен на ней во весь рост, в длинном сюртуке, с плащом на одной руке и шляпой и палкою в другой, которой он держится за высокую каменную стену. У ног его бушует разъяренное море, а на скале как будто высечена рельефная надпись:

Прощай свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой!..

Эти прекрасные стихи, последние написанные в изгнании Пушкиным в Одессе в 1824 году, «вечно звучали в памяти» И. К., и он любил их подписывать под своими снимками с любимой картины, даря их на память своим друзьям и знакомым. Иван Константинович Айвазовский, знакомый лично и с семьей Н. Н. Раевского, всегда утверждал, что стихотворение «Талисман» вызвано подарком Марии Раевской и написано первоначально поэтом в Крыму и никак не относится к Одессе и графине Воронцовой, за которой, по его словам, Пушкин слегка ухаживал в Одессе, как за великосветской львицей и женой начальника, но некрасивой женщиной, не в состоянии бывшей воспламенить воображение поэта. Как известно, с кольцом-«талисманом» Пушкин расстался только в день смерти, а стихотворение приписывают Воронцовой...

Прислав мне из Феодосии снимок со своей новой картины (1894 г.) «Пушкин у Гурзуфских скал», он собственноручно внизу подписал:

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы...

Целое море безумной страсти вылилось здесь у поэта.

Глава III

Подарок Айвазовского Морскому музею в 1886 г. и г. Одессе. Замечательная картина проф. И. Е. Репина и И. К. Айвазовского. И. К. в семье героев Черноморского флота. Генерал Н. Н. Раевский¹², Лазарев¹³, Корнилов¹⁴, Нахимов¹⁵ и Панфилов¹⁶. Субаишская перестрелка. Подвиг И. К. Расположение к нему «императора-рыцаря». Исторические картины Черноморского флота.

В конце 1886 г. художник, спустя 35 лет со дня сопутствия в 1851 году на пароходе «Владимир» государю в плавании в Севастополь и присутствии на морских маневрах, воскресил на полотне память о погибшем Черноморском флоте, красе и гордости России, написав картину «Смотр Черноморского флота Николаем I», в которой вереница судов величественно и плавно движется на полных парусах в виду севастопольской бухты у парохода «Владимир», на котором стоит полный мужественной красоты император Николай и рядом с ним наследник цесаревич и адмиралы: Лазарев, Нахимов и Корнилов.

Все портреты, по общему признанию, были чрезвычайно схожи: видно было, что любовь к этим людям, не раз проводившим время в длинных беседах и милостивых с ним разговорах, водила рукою и кистью художника. Виднеющийся вдали белый Севастополь, воздух, вода на холсте – и говорить нечего, написаны были с изумительным совершенством. Эта картина, выставленная в Петербурге, в залах Академии художеств, опять привлекала толпы публики и была приобретена обществом «Кавказ и Меркурий» и поднесена председателю этого общества, сенатору Жандру, принадлежащему к семье старых черноморских моряков, по случаю 25-летнего юбилея его служения в обществе.

В том же году художником принесены в дар Морскому музею портреты многих замечательных деятелей Черноморского флота, героев Севастопольской обороны, бывших близко знакомыми с ним, рисунки знаменитых кораблей, погибших в Севастопольскую войну. Рисунки собраны были им в один громадный альбом, представляющий теперь большой исторический интерес. Этот запас эскизов и рисунков и послужил ему материалом для «живой» картины «Черноморского флота...»

Оригинал картины «Прощание с морем» проф. И. К. Айвазовский подарил еще в 30-х годах городу Одессе, но копия с нее долго хранилась у него в галерее. И. К. Айвазовский очень любил ее и считал лучшей из пушкинского цикла своих картин «Пушкин в Гурзуфе при луне», где поэт представлен во время своих крымских ночных прогулок, но мне лично, как и другим, больше всего нравилась висевшая одно время в фойе для артистов Александринского театра картина его «Пушкин на берегу Черного моря», на которой фигура Пушкина изображена проф. И. Е. Репиным, и я даже как-то высказывал это И. К. в разговоре. Интересно было бы знать, неужели и теперь там находится эта картина проф. И. Е. Репина и И. К. Айвазовского? Ведь она представляет громадную ценность в национальном искусстве, и настоящее для нее место – в нашем Музее Императора Александра III или Эрмитаже, а никак не в другом месте, где ее даже не может увидеть публика.

¹² Николай Николаевич Раевский (1771–1829) – русский полководец, герой Отечественной войны 1812 года, генерал от кавалерии (1813).

¹³ Михаил Петрович Лазарев (1788–1851) – русский флотоводец и мореплаватель, адмирал (1843), кавалер ордена Святого Георгия IV класса за выслугу лет (1817), командующий Черноморским флотом и первооткрыватель Антарктиды.

¹⁴ Владимир Алексеевич Корнилов (1806–1854) – российский военный деятель, начальник штаба Черноморского флота (1850–1854), герой Крымской войны, вице-адмирал (1852).

¹⁵ Павел Степанович Нахимов (1802–1855) – русский флотоводец, адмирал (1855).

¹⁶ Александр Иванович Панфилов (1808–1874) – русский адмирал, участник Крымской войны. Родился в феврале 1808 года в семье кораблестроителя Ивана Кузьмича Панфилова (1774–1835).

Не один великий поэт наш приветствовал вдохновенного поэта-импровизатора, почившего теперь непробудным крепким сном на берегу любимого и воспетого им «с такою чудной силой» и прославленного на вечные времена Черного моря, в близкой его сердцу, его трудами и заботами возрожденной из ничтожества к новой кипучей жизни и деятельности родной Феодосии. Лучшие выдающиеся деятели на поприще литературы, поэзии, искусства и на поле брани – герои Черноморского флота, покрывшие неувядаемой славой наши знамена, считали его в кругу своих близких знакомых или являлись его поклонниками и покровителями, влиявшими на развитие и направление его гениального и всегда самобытного творчества. Вот как возникло его стремление к воспроизведению морских батальных картин, по рассказу самого художника, служившее для него неисчерпаемым источником плодотворного вдохновения.

«Пушкин на берегу моря» («Прощай, свободная стихия...»). Художники И. К. Айвазовский и И. Е. Репин. 1887 г.

*Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.*

(А. Пушкин «К морю» 1824 г.)

Глава IV

Знакомство и путешествие с Н. В. Гоголем. Описание Гоголя в разговорах и письмах. Поездка с Гоголем во Флоренцию. В доме Торквато Тассо¹⁷. «Русская колония» в Риме с Гоголем. Знаменитый художник А. А. Иванов¹⁸. Штернберг¹⁹ и Айвазовский. Бюст И. К. работы Бернштама в музее имп. Александра III.

При рассказах о первом приезде своем в Италию и знакомстве с Гоголем И. К. Айвазовский оживлялся и довольно часто вспоминал о Гоголе и своей дружбе с ним. «Первым городом Италии, который я посетил, – говорил и писал мне он, – была, конечно, Венеция. После скучных Берлина, Дрездена, Триеста она несказанно нравилась мне. Развенчанная царица морей, спящая непробудным сном на берегу чудесного своего залива, очаровала меня. В Венеции я и познакомился с нашим незабвенным Гоголем, проживавшим тогда здесь с покойным Николаем Петровичем Боткиным.

Впервые в жизни увидев тогда автора „Ревизора“, уже обдумывающего свои бессмертные „Мертвые души“, я скоро сдружился с ним и весьма был поражен оригинальностью нашего писателя и его странной оригинальною наружностью, прямо просившейся на полотно. Если бы я был портретистом, я бы в ту пору написал портрет с него. Низенький, сухощавый, с весьма длинным, заостренным носом, с прядями белокурых волос, часто падавшими на маленькие прищуренные глазки, – припоминал художник. – Гоголь выкупал эту неприглядную внешность любезностью, неистощимую веселостью и проблесками своего чудного юмора, которыми искрилась его беседа в приятельском кругу.

Появление нового незнакомого лица, подобно дождевой туче, мгновенно набрасывало тень на сияющее добротою и озаренное улыбкою лицо Гоголя: он умолкал, хмурился, как-то сокращался, как будто уходил сам в себя, как в раковину, и начинал оригинальничать. Эту странную черту характера замечали в нем все его близкие знакомые. Со мною, однако же, он довольно скоро сошелся, и я не раз наслаждался его дружескою милою беседою. Гоголь предложил мне ехать с ним, с Боткиным и Панаевым во Флоренцию, на что я, разумеется, с удовольствием согласился. Ехали мы в наемной четвероместной коляске и – каюсь в нашем общем грехе – дорогою мы играли в преферанс, подмостив экипажные подушки вместо стола. Впрочем, это прозаическое занятие не мешало нам любоваться природой и восхищаться красивыми местностями, попадавшимися по дороге».

По приезде во Флоренцию Гоголь и Айвазовский осмотрели художественные сокровища столицы Тосканы, посетили дворцы и палаццо Питти и т. д. Они проводили в этих осмотрах целые дни вместе. Здесь встретили они знаменитого русского художника Александра Андреевича Иванова, на время приехавшего из Рима во Флоренцию искать вдохновения для своей знаменитой картины «Явление Мессии народу». От природы не слишком общительный, он мало говорил с ними. По словам Айвазовского, Гоголь в то время не посвятил еще ему своей чудной восторженной статьи.

Иванов рассказывал только, что приехал скопировать несколько деревьев с пейзажей Сальватора Розы, чтобы для чего-то перенести их в местность на берега Иордана. Во Флоренции И. К. Айвазовский расстался на время с Николаем Васильевичем Гоголем и, оставив его здесь, отправился на берега Неаполитанского залива, где прожил еще месяц в Неаполе вместе с молодым художником Штернбергом, а отсюда уже проехал на родину Торквато Тассо, в

¹⁷ Торквато Тассо (1544–1595) – итальянский поэт XVI века, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим».

¹⁸ Александр Андреевич Иванов (1806–1858) – русский художник, академик; создатель произведений на библейские и антично-мифологические сюжеты.

¹⁹ Василий Иванович Штернберг (1818–1845) – живописец, жанрист и пейзажист.

Сорренто, где, по странному стечению обстоятельств, он жил в доме, принадлежавшем певцу «Освобожденного Иерусалима».

Из Сорренто они отправились в разрушенный ныне живописный городок Амальфи, где тоже прожили целый месяц, и в сентябре только он попал опять в Рим. Эти переезды ознакомили Айвазовского с колоритом и красками итальянского лазурного неба, воды и тайнами тамошней воздушной перспективы. Он работал в Италии целые дни без усталости... Эти воспоминания записаны со слов самого И. К. Айвазовского и представляют серьезный и значительный интерес для нас, как характеристика его отношения к Гоголю и некоторым знаменитым его современникам. В прошлом году я получил об этой встрече также письмо от него, которое потом было напечатано в «Новом Времени».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.